Diss. Slav.: Ling. XXIV. Szeged, 1996, 49-57.

ТРЕТЬЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В МОСКОВСКОЙ РУСИ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Алеш Бранднер

(Aleš Brandner, Filozofická fakulta Masarykovy univerzity
Arna Nováka 1, 660 88, Brno, ČR)

1. Языковая ситуация на вост.-слав. территории с XI по XVIII в.

Третье южнославянское влияние представляет собой один из важнейших пределов истории русского литературного языка. Языковая ситуация на вост.-слав. территории была весьма сложная. Ее сложность состояла в том, что вплоть до XVIII в. там сосуществовали два языка: наряду с домашним русским языком это был язык церковнославянский, который выполнял не только функцию богослужебного (литургического) языка, но до XVIII в. также функцию языка письменного (Ефимов 1957: 41–45, Виноградов 1958: 111, Горшков 1969: 38–44, Улуханов 1972: 12–21, Bartoszewicz 1973: 30–35, Mrázek–Popova 1988: 8–9, 113–115). Взаимоотношения обоих языков были построены по модели диглоссии: каждый язык имел свою сферу употребления и нельзя было это заменять. Вместе с тем в истории рус. лит. языка имело место также и церковнославянско-русское двуязычие. Развитие рус. лит. языка связано с переходом от диглоссии к двуязычию. Распад двуязычия привел к становлению русского литературного языка нового типа.

На основании этих фактов современный московский русист, профессор Московского государственного университета Б.А. Успенский (1988: 25) определил кардинальное значение понятия языковой ситуации для периодизации истории рус. лит. языка. Он выделил три основных периода: 1. период диглоссии (XI–XVII вв.), 2. переходный период церковнославянско-русского двуязычия и становление языка нового типа (вторая половина XVIII в. по начало XIX в.), 3. стабилизация нового русского литературного языка (с начала XIX в. по настоящее время). Первый период распадается на три основных этапа, связанные с тремя последовательными культурны-

ми влияниями. В литературе они обозначаются условно как "южнославянские".

2. Сформирование русской редакции церковнославянского языка как итог первого южнославянского влияния

О первом южнославянском влиянии говорится в связи с принятием христианства в X в. Восточные славяне приняли христианство из Византии. Это выступило как совершенно определенный политический акт, который ввел Русь в сферу византийского мира. Крещение Руси означало для Византии расширение сферы культурного и одновременно политического влияния. Посредником в русско-византийских культурных контактах были южные славяне. Они играли посредническую роль: ориентация была греческой, письменность болгарской. Предпосылки к такой эллинизации были заложены в совместном проживании греков и славян на Балканах. С принятием христианства в качестве государственной религии ц.-сл. язык стал литературным языком. Это создало предпосылки для его функционирования в качестве литературного языка восточных славян. На вост.-слав. территории возникла церковнославянско-русская диглоссия. Ц.-сл. язык выступал на Руси как средство византизации рус. культуры. Вообще он был общим языком православного славянства.

В Киевской Руси при князе Владимире были основаны школы. Учащиеся в них изучали прежде всего ц.-сл. язык. На занятиях употреблялись в то время богослужебные книги, которые были именно в это время в распоряжении. Это были книги юж.-слав. происхождения, так что можно говорить о периоде юж.-слав. влияния (в данном случае первого южнославянского влияния). С этим периодом связано начало формирования литературного языка у восточных славян (Успенский 1983).

Ориентация на южных славян прекратилась к началу XII в.; русские рукописи перестали испытывать влияние южнославянских протографов. Сложился русский извод ц.-сл. языка, а специфические юж.-слав. черты стали подвергаться правке. Таким образом, итогом первого юж.-сл. влияния, которое обхватывало период с XI по XIV в., является сформирование рус. редакции ц.-сл. языка. Он усвоил целый ряд черт вост.-слав. происхождения, т.е. русифицировался.

3. Распад единой общерусской нормы церковнославянского языка в силу второго южнославянского влияния

Второе южнославянское влияние имело место с конца XIV в. и в течение XV в. Его значение заключалось именно в начале последовательной справы книг на Руси. Так как ц.-сл. язык пришел на Русь от южных славян, специфические юж.-сл. черты воспринимались на Руси как архаические. У южных славян были постоянно живые контакты с греками, у них постоянно осуществлялись переводы с греческого на церковнославянский и это накладывало отпечаток на характер юж.-сл. извода ц.-сл. языка. Иными словами, второе юж.-сл. влияние представляло архаизацию и эллинизацию. Оно совпадало с размежеванием культурных традиций Московской и Юго-Западной Руси: в Юго-Западной Руси продолжалось общение с южными славянами и греками, в Московской Руси в XVI в. наблюдалась тенденция к культурному обособлению. После второго юж.-сл. влияния общерусская ц.-сл. норма распалась на две: ц.-сл. язык Московской Руси и ц.-сл. язык Юго-Западной Руси.

Второе юж.-сл. влияние способствовало переходу церковнославянско-русской диглоссии в церковнославянско-русское двуязычие. В Московской Руси по-прежнему имела место ситуация церковнославянско-русской диглоссии. В Юго-Западной Руси, наоборот, проявлялось церковнославянско-русское двуязычие. Иными словами, в то время, как в Московской Руси функционировал один литературный язык (т.е. ц.-сл. язык русской редакции), в Юго-Западной Руси сосуществовали два литературных языка: наряду с ц.-сл. языком юго-западной редакции выступал т. наз. "простой" книжный язык или т. наз. "проста или руска мова". В ее основе лежал канцелярский язык Юго-Западной Руси. Этот язык терял постепенно функции делового языка, стал литературным языком в широком смысле. Он занимал как бы промежуточное место между высоким книжным языком (т.е. языком церковнославянским) и языком разговорным.

Церковнославянско-русское двуязычие в Юго-Западной Руси калькировало латинско-польское двуязычие в Польше; функциональным эквивалентом латыни выступал там ц.-сл. язык, а функциональным эквивалентом польского литературного языка – "проста мова". Ц.-сл. язык стал языком ученого сословия. Если на Западе

образованность предполагала знание латыни, то в Юго-Западной Руси образованность предполагала знание ц.-сл. языка. Напротив, польский язык и коррелирующая с ним "проста мова" выступали в значительной мере как язык шляхты (Успенский 1988: 310–311).

"Проста мова" не имела никаких связей с современным украинским и белорусским языками. В дальнейшем почти бесследно исчезла. Функционирование "простой мовы" свидетельствовало о ситуации двуязычия. Она занимала не только равноправное положение с ц.-сл. языком, но и постепенно вытесняла его из литературы.

4. Третье южнославянское влияние в Московской Руси и стремление к восстановлению единого извода ц.-сл. языка

"Проста мова" не оказала почти никакого влияния на современные украинский и белорусский языки. Однако на историю рус. лит. языка она оказала весьма существенное влияние. Эта тенденция связана с т. наз. "третьим юж.-сл. влиянием", т.е. влиянием книжной традиции Юго-Западной Руси на великорусскую книжную традицию в XVII в.

Третье южнославянское влияние – термин в известной мере условный, поскольку само название "южнославянское" имеет в виду южных славян не в этническом, а в географическом смысле. Таким образом, если в случае первых двух южнославянских влияний речь шла о влиянии балканских славян, в данном случае речь идет о влиянии представителей Юго-Западной Руси. Это влияние обусловлено стремлением к восстановлению единого ц.-сл. языка. Как и предыдущие влияния, оно определяется ориентацией на греческую культуру. Оно привело к новой волне эллинизации русской книжности, так как в Юго-Западной Руси поддерживались контакты с греками. Третье южнославянское влияние было обусловлено грекофильской ориентацией. Однако Юго-Западная Русь находилась под сильным западным влияниям и, соответственно, выступала не только как посредник в контактах с греческой культурой, но и как посредник в контактах с культурой западноевропейской (Успенский 1988: 335).

Третье юж.-сл. влияние проявилось прежде всего в книжных реформах патриарха Никона в середине XVII в. Таким образом, как

и второе юж.-сл. влияние, оно непосредственно связано с книжной справой.

В результате книжных реформ патриарха Никона и его последователей на территории Московской Руси мог кодифицироваться юго-западный вариант ц.-сл. языка, поэтому третье юж.-сл. влияние может рассматриваться как регенерация на великорусской территории второго юж.-сл. влияния: то, от чего в Московской Руси отказались, приходило вновь через соседнюю традицию.

После второго юж.-сл. влияния в Московской Руси, в отличие от Юго-Западной Руси, можно наблюдать тенденцию в виде культурной обособленности. Это был процесс, который, с одной стороны, происходил в связи с падением Византийской империи (1453), с другой стороны, с окончательным свержением татарского ига в России. В Византии ислам победил над православием, в России, наоборот, православие победило над исламом. В России была создана самостоятельная автокефальная церковь. Чтобы соблюдать традицию, что во главе православного мира стоит единый император, единственным православным правителем после падения Царьграда был московский князь, которого стали именовать царем. Московская Русь стала центром православного мира и Москву считали новым Царьградом или же третьим Римом. Процесс церковного обособления был завершен в 1589 г. учреждением патриаршества в России. Это обстоятельство подчеркивало религиозную и политическую самостоятельность Московской Руси.

Третье южнославянское влияние связано с щирокой иммиграцией в Москву юго-западнороссов, носителей книжной культуры. Эта иммиграция была непосредственно связана с присоединением Украины в 1654 г. Выходцы из Юго-Западной Руси играли большую роль в культурной жизни, они занимались книжной справой (Успенский 1988: 330–334).

Третье юж.-сл. влияние в языковом аспекте проявилось прежде всего в книжной справе. Она вызвала раскол общества, разделившегося на старообрядцев и новообрядцев. Следует подчеркнуть, что великорусская книжная культура, в свою очередь, оказала влияние на юго-западную. Установилась единая норма ц.-сл. языка, и, таким образом, постепенно исчез его специфический юго-западнорусский извод. Этому содействовало позже обстоятельство, когда в 1686 г.

киевская метрополия перешла в юрисдикцию московского патриарха (до этого киевский митрополит подчинялся патриарху константинопольскому). С образованием общерусского извода ц.-сл. языка старые языковые традиции сохранились в церковных общинах, которых не коснулись данные преобразования: если великорусская ц.-сл. традиция сохранилась у старообрядцев, то юго-западнорусская ц.-сл. традиция сохранилась у униатов (Plähn 1978: 23, Успенский 1988: 334–335).

Если второе юж.-сл. влияние связано одновременно со стремлением к эллинизации и к архаизации, то в эпоху третьего юж.-сл. влияния эти два стремления были разобщены: одна часть общества, а именно новообрядцы, стали сторонниками эллинизации, другая часть, т.е. старообрядцы, стали сторонниками архаизации. Начало раскола относится к 1653 году. Первой книгой, вызвавшей недовольство приверженцев старой традиции, была Псалтырь, вышедшая в свет 11 февраля 1653 (Успенский 1988: 340). За этим следовало исправление всех богослужебных книг.

5. Разрушение диглоссии и переход к двуязычию

С третьим юж.-сл. влиянием непосредственно связан процесс разрушения диглоссии. С начала XVII в. можно встречать единичные примеры, предвосхищающие переход к церковнославянско-русскому двуязычию. В рамках языковой ситуации Московской Руси первой половины XVII в. они должны рассматриваться как исключение. В результате третьего юж.-сл. влияния языковая ситуация Юго-Западной Руси перенеслась на великорусскую почву, и этот перенос коренным образом изменил все аспекты функционирования литературного языка: изменилось функционирование ц.-сл. языка, появились новые варианты литературного языка, основанные на разговорной речи, изменился характер взаимодействия книжного и некнижного языка (Виноградов 1938: 75). Ц.-сл. язык в великорусских условиях продолжал активно функционировать как основной язык культуры, в то время как в Юго-Западной Руси он был в значительной степени вытеснен "простой мовой". На ц.-сл. языке начали разговаривать, подобно тому, как это было принято в Юго-Западной Руси. Такое явление невозможно в ситуации диглоссии, но

естественно в ситуации двуязычия. Далее ц.-сл. язык предстал как язык ученого сословия, т.е. приобретал функции, свойственные латыни на Западе. На ц.-сл. языке начали писаться письма, что для предшествующего периода нехарактерно. На ц.-сл. языке могли в это время делать разнообразные записи бытового содержания. Процесс разрушения диглоссии был в Московской Руси непохожим на процесс разрушения диглоссии в Юго-Западной Руси. В Юго-Западной Руси этот процесс начался с появления "простого" языка, который стал конкурировать с ц.-сл. языком и практически вытеснил его в некоторых функциях, в Московской Руси этот же процесс начался с расширения функций ц.-сл. языка.

Если ц.-сл. язык юго-западной редакции непосредственно влиял на великорусский ц.-сл. язык, то непосредственное влияние "простой мовы" было невозможно в виду отсутствия парного эквивалентного явления в условиях Московской Руси. Однако заимствовалась языковая ситуация: само понятие "простого" языка, который понимался как литературный язык, противопоставленный ц.-сл. языку и с ним конкурирующий. "Простой" язык в качестве литературного противостоял не только церковнославянскому, но и разговорной речи.

С конца XVII в. на территории Московской Руси стали появляться произведения, написанные на простом языке. В XVIII в. такие произведения не представляли собой единичного явления. Сам факт функционирования "простого" языка имело исключительное значение для последующего развития рус. лит. языка. Он свидетельствует о превращении церковнославянско-русской диглоссии в церковнославянско-русское двуязычие. Третье юж.-сл. влияние привело к созданию "простого" языка, выступившего как великорусский эквивалент "простой" мовы.

6. Становление русского литературного языка нового типа

Ярким признаком церковнославянско-русского двуязычия была возможность перевода сакрального текста на иной общепонятный язык. Другим признаком было появление пародий на ц.-сл. языке. Если в первой половине XVII в. такие тексты имели уникальный характер, то со второй половины XVII в. они стали более или менее обычным явлением.

Ситуация двуязычия закономерно привела к кодификации рус. языка. Ее зачатки относятся к началу XVIII в. и имеют фрагментарный характер. Авторы стремились осознать и зафиксировать различия между ц.-сл. и рус. языком (Успенский 1985). Последовательная кодификация рус. языка осуществилась позднее, а именно в 1738–1740 гг., когда появилась грамматика Адодурова, первая грамматика русского языка, написанная на родном языке (Успенский 1975).

Так как двуязычие, в отличие от диглоссии, оказалось нестабильной языковой ситуацией – оба языка конкурировали друг с другом, а не распределяли свои функции – русский язык постепенно оттеснял ц.-сл. на периферию языкового сознания, узурпируя права и функции литературного языка и оставляя за ц.-сл. языком в конечном счете лишь функции языка литургического. Следствием указанного процесса было создание в середине XIX в. А.С. Пушкиным русского литературного языка нового типа – языка, в той или иной мере ориентированного на разговорную речь (Hüttl-Folter 1982: 9–11, 1992: 21; Живов 1990: 456–458). Этим событием был окончательно завершен период двуязычия.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов, В.В. 1938, *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.* Москва: Учпедгиз.

Виноградов, В.В. 1958, *Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка.* Москва: АН СССР.

Горшков, А.И. 1969, *История русского литературного языка.* Москва: Высшая школа.

Ефимов, А.И. 1954, *История русского литературного языка (курс лекций).* Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.

Живов, В.М. 1990, Языковая ситуация Петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа. *Wiener Slawistischer Almanach* 25/26, 451–469.

Улуханов, И.С. 1972, *О языке Древней Руси.* Москва: Наука.

Успенский, Б.А. 1975, *Первая русская грамматика на родном языке.* Москва: Наука.

Успенский, Б.А. 1983, *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка.* Москва: Издательство Московского университета.

Успенский, Б.А. 1985, *Из истории русского литературного языка XVIII - начала XIX века.* Москва: Издательство Московского университета.

Успенский, Б.А. 1988, *История русского литературного языка (XI-XVII вв.).* Budapest: Tankönyvkiadó.

Bartoszewicz, A. 1973, *История русского литературного языка. Часть 1-ая (донациональный период).* Warszawa: Panstwowe Wydawnictvo Naukowe.

Hüttl-Folter, G. 1982, Проблематика языкового наследия XVII в. в русском литературном языке нового времени (XVIII в.). *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 28, 9–26.

Hüttl-Folter, G. 1992, Русский литературный язык нового типа (Инновация в синтаксисе 30-ых годов XVIII в.). *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 38, 21–36.

Mrázek, R. - Popova, G.V. 1988, *Historický vývoj ruštiny (skriptum).* Praha: Státní pedagogické nakladatelství.

Plähn, J. 1978, *Der Gebrauch des modernen russischen Kirchenslavisch in der russischen Kirche. Mit zahlreichen Notenbeispielen und kirchenslavischen Texten.* Hamburg: Helmut Buske Verlag.